

СОВРЕМЕННЫЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И ВЛИЯНИЕ ЧЕРНЫХ / СЕРЫХ ЛЕБЕДЕЙ

Д. Е. Фесенко *

Аннотация: Понятия «черный» и «серый лебедь», принадлежащие соответственно Н. Талебу и японской компании «Nomiga», проецируются на материал истории архитектуры XX–XXI вв. Рассматриваются конкретные кейсы, включая последствия появления пернатых. На основании эмпирического материала делаются выводы о природе «черных / серых лебедей», их соотношении между собой, особенностях и характерологических чертах. По мнению автора, изучение повадок именно «серых лебедей», которые являются индикаторами или объективациями того или иного исторического тренда, обладает эвристической ценностью. Иначе говоря, отслеживая их возникновение и становление, можно прочертить возможные сценарии конкретных событий — пусть маловероятных, зато влиятельных, судьбоносных. То есть заранее прописать, чем чреват новоявленный тренд. В заключение приводятся примеры из различных феноменологических уровней архитектурного процесса: от инженерного и конструктивного до социального и расселенческого. Как заключает автор, с управленческой точки зрения перспективно предвосхищение «исторических случайностей», потенциально сулящих крупные неприятности.

Ключевые слова: черный лебедь, серый лебедь, история архитектуры XX–XXI вв., траектория тренда, маловероятное событие, судьбоносные следствия.

«**Ч**ЕРНЫЙ лебедь» — понятие, вошедшее в научный обиход в середине 2000-х гг. после публикации книг американского финансиста Нассима Талеба; сначала книги «Одуряченные случайностью», позднее более доступной для массового понимания книги «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости» (*Taleb 2001/2005; Taleb 2007*). Как следует из названия,

* Фесенко Дмитрий Евгеньевич — член-корреспондент отделения Международной академии архитектуры в Москве, советник Российской академии архитектуры и строительных наук. Журнал «Архитектурный вестник», главный редактор. E-mail: fesenko.dmitry@mail.ru.

в интерпретации автора «черный лебедь» — это принципиально непрогнозируемое событие, историческая случайность, самым серьезным образом влияющая на экономику и на судьбы мира. По смыслу совпадает с другим термином, пришедшим из синергетики, — «дикий джокер».

А вот другое понятие — «серый лебедь» — появилось совсем недавно, в середине 2010-х гг. Его предложила японская финансовая компания «Nomura», обозначив таким термином феномен, в принципе прогнозируемый, хотя и маловероятный, однако имеющий иногда драматические последствия, способный оказать решительное воздействие на ход мировой истории.

Известно, что всё в мире связано со всем — архитектурный процесс не изолирован, соответственно, понятия и смыслы, выработанные на материале смежных социально-гуманитарных наук, могут быть применены к архитектуре. Архитектуроведение не может не замечать теоретико-методологических изменений, происходящих в сопредельных областях научного знания.

Приведем примеры из практики взаимодействия архитектуры и новой метафорической орнитологии и попытаемся осмыслить понятия «черный / серый лебедь» применительно к профессиональным реалиям.

Рассмотрим кейсы (иначе конкретные ситуации) «черных лебедей» в истории современной архитектуры. Вопреки «сюрпризу» Нассиму Талебу (так он сам себя называет), войны можно считать лишь условно непредсказуемыми событиями — это справедливо, по крайней мере для новейшего времени. Так, и Первую, и Вторую мировые войны исподволь готовили могущественные силы, стремившиеся законсервировать уходящий мирохозяйственный уклад с Британской империей в качестве гегемона. Что не укрылось от глаз отдельных провидцев, пытавшихся не только предупредить человечество о надвигающейся угрозе, но и вставших на ее пути, — в этом смысле показательна судьба французского социалиста Жана Жореса.

Войны не могут не иметь множественных последствий в архитектурно-градостроительной сфере. Приведем лишь одно — влияние на архитектурный процесс неминуемых человеческих утрат. Так, на полях Первой мировой сложил голову итальянский архитектор-визионер Антонио Сант-Элиа, чьи фантазии

1910-х гг. не только заложили основы архитектурного футуризма, но и предвосхитили пафос Современного движения, задав стилистику и образ урбанистических утопий XX в. Чего в результате лишилась мировая архитектура в его лице, можно только предполагать...

Конкретные мишени мирового терроризма, ставшего бичом человечества сначала в XIX — начале XX в., а теперь и в первые десятилетия XXI в., казалось бы, непредсказуемы. Так же и по Нассиму Талебу. Однако кое-кто теракт 9 сентября не только чувствовал нутром — известно, что за полтора месяца до трагедии башни-близнецы, приносившие тогдашнему хозяину значительные убытки, за \$3,1 млрд приобрел известный бизнесмен Ларри Сильверстайн и застраховал их на случай теракта на \$3,6 млрд. Впрочем, последствия визита данного «черного лебедя» для архитектурного мира оказались не столь масштабными, как это можно было бы ожидать, и по факту ограничились переустройством площадки Зеро и внесением коррективов в нью-йоркский скайлайн.

Создание благодаря сверхусилиям Александра Григорьевича Рочегова в 1981 г. Союза архитекторов России, а в 1992-м — Российской академии архитектуры и строительных наук было абсолютно невероятными событиями, учитывая социально-политическую и экономическую обстановку как первых послеолимпийских лет, так и катастрофических 1990-х гг. Тем не менее эти две профессиональные институции появились, в значительной мере определив профессиональную конфигурацию в последующие десятилетия.

Нежданный-негаданный — для некомпетентного большинства — арест в марте 2016 г. первого замминистра культуры Г. У. Пирумова повлиял на отечественную практику охраны культурного наследия и реставрации самым решительным образом. Оказалось обрубленным финансирование целого ряда государственных программ реставрации памятников архитектуры. Оставшиеся в строю чиновники не хотят брать на себя ответственность, опасаясь рикошета, — консервационные и реставрационные работы заморожены, объекты страдают.

Следствием трагического ухода из жизни известных столичных девелоперов стало замораживание крупных стройплощадок

в центре Москвы. В первой половине 2000-х гг. пострадал проект многофункционального комплекса «Царев сад», в середине 2010-х гг.—отеля в Зарядье. Впрочем, спустя несколько лет в результате смены собственников и в том, и в другом случае площадки были реанимированы.

Расширение территории Москвы в 2,5 раза, происшедшее летом 2012 г.,—сюрприз как для специалистов, так и для москвичей. Экспертное мнение оказалось злостно проигнорировано. Бенефициарами данного решения запрограммировано являлись лэндлорды и столичный строительный комплекс. Следствия не заставили себя долго ждать—это прежде всего дальнейшая эскалация проблем внутри российской системы расселения с ее самоубийственным стягиванием людских, финансовых и материальных ресурсов в центр, в том числе углубляющиеся дисфункции в развитии самого столичного региона.

Обратимся к кейсу «серый лебедь» в истории современной архитектуры.

Утрату доверия к мэру Москвы Ю.М.Лужкову можно было предвидеть—а кто-то так ее напряженно ждал. Гроздь народного гнева постепенно вызревали. Его отставка и приход С.С.Собянина самым решительным образом повлияли на содержание градостроительной политики, в основу которой был заложен переход к решению накопившихся урбанистических проблем: от наращивания транспортной инфраструктуры и развития общественных пространств до охраны природных ландшафтов и сохранения объектов культурного наследия.

Во второй половине 1950-х гг. в связи с переходом к решению жилищной проблемы на государственный уровень можно было ожидать коренных изменений в технологической базе стройкомплекса. Тем не менее апроприация французской системы крупнопанельного домостроения Камю предстает труднопрогнозируемым событием, оказавшим громадное влияние на облик советских и российских поселений. Произошла консервация «единственно правильной»—«оптимальной»—модели типизации-стандартизации, последствия которой ощущаются по сей день.

Фронтальное противостояние в конце 1970-х—начале 1980-х гг. рвущегося на волю ПоМо (постмодернизма) и заско-

рузлого строительного комплекса рано или поздно должно было вылиться в демонстративный конфликт. Одним конфликтом дело не ограничилось. Сначала, после появления в переулке Дзямбула в Ленинграде постмодернистского детского сада, выговор от Госгражданстроя получил автор проекта С. П. Шмаков, а затем — теоретик В. Л. Глазычев, поддержавший пробивающийся тренд на страницах газеты «Архитектура». Потом уже кинематографисты подставили плечо архитекторам — новостройка попала в популярную тогда мелодраму «Зимняя вишня».

Следующий акт драмы — из плотных слоев атмосферы была инициирована расправа над профессором А. В. Рябушиным в связи с выходом русского перевода бестселлера Чарлза Дженкса «Язык архитектуры постмодернизма» (Рябушин являлся ответственным редактором издания). Как выяснилось, на 37-й странице была допущена идеологическая неточность, чем и воспользовались оппоненты. По итогам всех этих коллизий приход ПоМо в наши пенаты был отложен на десятилетие.

Внедряемая с начала 1990-х гг. неолиберальная идеология рано или поздно должна была отлиться в соответствующую формулу не только в экономике, где она носила название Вашингтонского консенсуса, но и в области расселения. Здесь российский эквивалент появился позднее, в середине 2000-х гг., и стал именоваться поляризованным развитием, позднее — управляемым сжатием. На самом деле в соответствии с этой моделью в 1990–2010-е гг. и выстраивалось, хотя и стихийно, пространство страны, что привело к сильнейшим расселенческим и урбанистическим перекосам и аномалиям.

Вряд ли кто-то мог предугадать приобретение одного монстра — столичного рынка девелопмента в лице ГК «Мортон» другим — компанией «ПИК». Тем не менее это «дружественное» поглощение является довольно показательным и вполне предвидимым в современной социально-экономической ситуации — происходят сверхконцентрация капитала и монополизация рынка, проектно-строительного в том числе. Кстати, в том же направлении работает и реформа долевого строительства — ФЗ-214, устанавливающая, в частности, требования к минимальному размеру уставного капитала застройщиков. Требования вступили в силу с 1 июля 2017 г. Вопрос: может ли

разворачивающаяся поляризация с последовательным вытеснением малого и среднего бизнеса, девелоперского и строительного, работать на архитектурное качество? Хотя нельзя не признать, компания «ПИК» с приходом президента С.Э.Гордева провозгласила архитектурное качество одним из основных пунктов программы и пока что компания программе следует.

В настоящий момент в роли «серого лебедя» выступает верховная установка на пересмотр нормативной базы и прежде всего противопожарных норм в области деревянного домостроения. Хотя большинство специалистов не верит в эту радужную перспективу, несмотря на правительственные распоряжения и бум деревянного строительства на Западе. Если легитимизация деревянного домостроения городского формата выше трех этажей всё же произойдет — автоматически сменится парадигма нынешнего жилищного строительства, по крайней мере на территории от Севера до средней полосы.

Приведенный эмпирический материал позволяет сделать ряд выводов о природе «черных / серых лебедей», об их соотношении между собой, особенностях и характерологических чертах.

В отличие от «черных», «серые» лебеди не являются полной неожиданностью, сюрпризом, случайностью в истории, по крайней мере для узкого круга специалистов, ибо они лежат на траектории обнаружившего себя исторического тренда. Тем самым можно говорить о своего рода манифестации происходящих подвижек внутри архитектурного процесса, событийном оформлении тенденции.

Модель «серых лебедей» скорее соотносится с привычной фаталистической интерпретацией истории, которая «не имеет сослагательного наклонения». Тогда как архетип «черных лебедей» в общем резонирует с активно развивающейся в последнее время альтернативной, или контрфактической историей. Показательный пример — пересмотр тех самых нормативных документов в области деревянного домостроения, ждущий своей верификации в самом ближайшем будущем.

И «черные», и «серые лебеди» могут приносить как беды, так и удачи, иметь как позитивную, так и негативную окраску.

С точки зрения своего генезиса «черные» и «серые лебеди» охватывают широкий диапазон: от космофизического

(столкновение нашей планеты с астероидом и пр.) и планетарно-геофизического (подныривание Гольфстрима или разлом Индо-Австралийской литосферной плиты) до внутривнутрипрофессионального уровня — принятия соответствующих административных решений, разорения застройщика, кончины крупного архитектора или девелопера.

В своем исследовании, посвященном проблемам контрфактической архитектурной истории, мы показали, что локальные исторические развилки, как правило, сгущаются вокруг мощных исторических узлов, точек бифуркации. Точно так же и «черные / серые лебеди» тяготеют к изломам архитектурной истории, историческим макросдвигам, образуя, в определении Насима Талеба, зоны концентрированной случайности. Однако, как известно, сегодня с уплотнением исторического времени соотношение между периодами бифуркации и отрезками «нормальной эволюции» неумолимо сдвигается в сторону первых, критические точки на карте истории как бы слипаются между собой, соответственно, гнездовые «черных / серых лебедей» прогрессивно расширяется.

Применительно к нашей теме архитектурная жизнь становится всё более интенсивной и — одновременно — неопределенной в силу регулярной смены векторов развития. В пределе, при полном слиянии тех самых зон бифуркации, когда они превратятся в сплошную кризисную полосу, надо думать, наступит золотой век «черных / серых лебедей».

Так или иначе, в связи с нарастанием лебяжьей угрозы дальнейшего изучения влияния «черных / серых лебедей» на архитектурный процесс, их повадок и особенностей поведения представляется весьма актуальным. Но вот какие практические выходы могут иметь эти штудии?

В первом случае — «черных лебедей» — очевидно, никаких, ибо их появление непредсказуемо: абсолютный Йеллоустоун. А вот с «серыми лебедями» ситуация не столь безнадежная. Они, по сути, являются индикаторами или объективациями того или иного исторического тренда. Иначе говоря, отслеживая возникновение и становление последних, можно прочертить возможные сценарии конкретных событий. Пусть маловероятных, зато потенциально весьма влиятельных, судьбоносных. Иначе

говоря, заранее прописать, чем чреват новоявленный тренд, в том числе для архитектурной профессии. Приведем примеры из самых разных феноменологических уровней архитектурного процесса: от инженерного и конструктивного до социального и расселенческого.

Не секрет, что износ основных фондов и объектов инфраструктуры в отдельных российских городах достигает 80–90% при средней цифре порядка 60%. В этом году, по прогнозу МЧС, на спецконтроле МЧС и Минстроя по ведомству теплоснабжения будет состоять более половины городов — центров субъектов Федерации. Можно ожидать лавинообразное нарастание аварий теплосетей по преимуществу в городах, где требуется замена до 80% объектов теплоснабжения. Рождественские морозы уже подтвердили данный прогноз — жители районов в Санкт-Петербурге, Твери, Владивостоке, Воркуте, Тюмени, Курске, Волгограде, Калининграде, Пскове, Архангельске, Саратове, Самаре, Новосибирске, Пятигорске, Тутаеве, Благовещенске, Бокситогорске, Королеве, Наро-Фоминске и др. остались без отопления.

Сроки физического износа конструкций крупнопанельных домов первых поколений индустриального домостроения, по оценкам специалистов, не могут превышать 80–100 лет. В столицах и крупных городах проблема замены жилого фонда второй половины 1950-х — 1960-х гг. активно решается. А вот малые города и сёла, где также строились пятиэтажки, находятся в группе риска начиная уже с 2020-х гг.

В отличие от многих европейских и азиатских стран, в Советском Союзе, а позднее и в России феномен геттоизации отдельных жилых районов по факту отсутствует. Однако это вовсе не значит, что так будет всегда. Имущественная поляризация, с одной стороны, и деградация городской среды, с другой, могут иметь на выходе повторение чужого дурного опыта.

Прогрессирующее сокращение объектов социальной инфраструктуры — от больниц и роддомов до школ и ДОУ, характерное для российской глубинки, рано или поздно может привести к тому, что радиусы обслуживания оставшихся будут многократно превышены и значительное число российских поселений окажется практически за пределами действия Конституции РФ. Что не может не вызвать эскалацию социальной напряженно-

сти и протестной активности с перекрытием федеральных трасс, делегированием ходоков в Москву и т. п.

Центростремительная динамика российской системы расселения имеет следствием как минимум две фундаментальные дисфункции. С одной стороны, в столичных мегаполисах вот-вот будет превышено пороговое значение плотности, а с другой — в обезлюживающихся зонах автоматически утрачивается административный и социальный контроль. В условиях нарастания геостратегических угроз и рисков и то и другое губительно.

Этот список «серых лебедей» может быть продолжен. Очевидно, его могут пополнить и удачи с нечаянными радостями. Однако с управленческой точки зрения не в пример полезнее предвосхитить «исторические случайности», потенциально сулящие крупные неприятности...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Taleb 2001/2005 — Taleb N.N. Fooled by Randomness: The Hidden Role of Chance in Life and in the Markets. New York: Random House, 2001/2005.

Taleb 2007 — Taleb N.N. The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable. New York: Random House, 2007.

THE MODERN ARCHITECTURAL PROCESS AND THE INFLUENCE OF BLACK / GRAY SWANS

D. E. Fesenko *

Abstract: The concepts of “black” and “gray swan”, appertaining respectively to N.Taleb and the Japanese company Nomura, are superimposed onto the

* *Fesenko Dmitriy Evgenievich* — Corresponding Member of International Academy of Architecture in Moscow, Councilor of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences. Journal «Arkhitekturnyy Vestnik», chief editor. E-mail: fesenko.dmitry@mail.ru.

material of the history of the architecture of the XX–XXI centuries. Specific cases are considered, including the consequences of the appearance of the concepts. Based on the empirical material, conclusions about the nature of black / gray swans, the balance between them, their features, as well as their distinctive characteristics are drawn. According to the author, from studying the habits of gray swans, which are the indicators or objectifications of a particular historical trend, that is, tracking their occurrence and formation, we can draw possible scenarios of specific events—albeit unlikely, but influential and fateful. To predict in advance what the consequences of a new trend may be. In conclusion, the examples from various phenomenological levels of the architectural process—from engineering and constructive to social and resettlement ones are given. The author concludes, that from a managerial point of view it's promising to predict “historical accidents,” potentially causing major troubles.

Keywords: Black Swan, Gray Swan, History of architecture of the XX–XXI centuries, Trend trajectory, Unlikely event, Fateful consequences.

REFERENCES

- Taleb N.N. *Foiled by Randomness: The Hidden Role of Chance in Life and in the Markets*. New York: Random House, 2001/2005.
- Taleb N.N. *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*. New York: Random House, 2007.